

6

БЕДНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Ю.П. Лежнина, Н.Е. Тихонова

В предыдущих главах данной монографии было показано, что российская бедность обусловлена как классовыми, так и неклассовыми, прежде всего — социально-демографическими, факторами. Компенсация последних в развитых странах традиционно реализуется за счет мер государственной социальной политики. В России же пока никак не нивелируется негативное влияние на благополучие населения ни высокой иждивенческой нагрузки, ни плохого состояния здоровья (за исключением инвалидности), ни других объективных факторов бедности. В этих условиях особенно актуален вопрос о том, насколько доступны населению «социальные лифты», обеспечивающие возможность выхода из бедности за счет индивидуальной активности.

Социальная мобильность, основу изучения которой заложил П. Сорокин¹, — одна из основных характеристик общества. Однако механизмы реализации этой мобильности и факторы, определяющие ее, — исключительно сложный предмет научного анализа. Сложность соответствующих исследований заключается, прежде всего, в необходимости понимания типа анализируемого общества: ведь лифты социальной мобильности и их эффективность в значительной степени зависят от особенностей стратификационной системы. Так, для большинства современных обществ, прошедших процесс индустриализации, шансы вертикальной социальной мобильности связываются, в первую очередь, с человеческими и культурными ресурсами индивида, определяющими его ценность на рынке труда². Именно

¹ Сорокин П.А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации / Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. Доступно на hse.ru/data/2010/08/30/1222295843/Sorokin.doc.

² Grusky D.B. The Past, Present and Future of Social Inequality // Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective (2nd edition). Boulder, 2001; Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000 и др.

поэтому в число основных факторов социальной мобильности в них традиционно включаются уровень образования и происхождение (образование родителей, их благосостояние, место социализации и т.п.)³. Впрочем, для обществ такого типа не стоит умалять и значимость других особенностей индивидов, а главное — существующих в обществе институтов, что нашло отражение в подходах к изучению социальной мобильности в том числе и в России⁴.

Однако для обществ неократического типа⁵, к которым относится и Россия, ситуация с факторами мобильности куда менее однозначна, чем, например, для развитых стран. В них даже при наличии рыночных механизмов отбора огромную роль для социальной мобильности продолжают играть и такие нехарактерные для современных меритократических обществ факторы, как социальный капитал, лояльность лицам более высокого социального статуса и т.п.⁶ Так каковы же возможности социальной мобильности в современной России, в том числе и межгенерационной? И какие шансы существуют в нем для тех, кто оказался в бедности?

Начнем поиск ответов на эти вопросы с тех данных, которые показывают, как вообще бедные и небедные россияне видят свое нынешнее и прошлое место в обществе. При их анализе сразу обращает на себя внимание не только широко распространенное среди бедных⁷ чувство приниженности своего социального статуса, но и тот факт, что за последние годы среди них резко возросла доля относящих себя к нижним трем (из 10 предлагавшихся респондентам для самопозиционирования) «ступеням социальной лестницы» и особенно к двум нижним ее «ступеням». Если по состоянию перед началом кризиса 2008–2009 гг. на этих «ступенях» находились, согласно их ретроспективной самооценке, соответственно 27 и 10% бедных россиян, то на весну 2013 г. подобным образом идентифицировали свое место

³ Blau P.M., Duncan O.D. The American Occupational Structure. New York, 1967; Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in Education, Society and Culture. London, 1977.

⁴ См., например, Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005.

⁵ Шкаратан О.И. Становление постсоветского неократизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1.

⁶ Шкаратан О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов // Общественные науки и современность. 2011. № 1.

⁷ Поскольку в отношении их социальной мобильности все группы бедных очень схожи между собой, мы далее будем рассматривать, как правило, бедных в целом. В тех случаях, когда между разными их группами наблюдались значимые расхождения, мы будем их отмечать и описывать.

в обществе среди них 36 и 15% соответственно (табл. 6.1). В то же время для небедных эти показатели составляли 28 и 4% по состоянию на период перед кризисом и лишь 16 и 4% по состоянию на весну 2013 г. Таким образом, *поляризация бедных и небедных не просто объективно усиливается, о чем шла речь и в предыдущих главах: она все ярче осознается ими самими, и если небедные все больше характеризуются самопозиционированием в середине социальной лестницы, то бедные все чаще чувствуют себя представителями «социальных низов».*

Следовательно, у российских бедных формируется особый тип идентичностей — идентичность «социальных низов». Это проявляется не только в оценках ими своего нынешнего статуса, но и в ощущении его нисходящей динамики. Например, оценивая динамику своего статуса в обществе за последний год, бедное население говорило в массе своей о его падении, и за год самооценки своего статуса в обществе у них понизились на 0,1 балла. В то же время у небедных самооценка своего статуса увеличилась за год на 0,13 балла, что подтверждает идущую поляризацию идентичностей бедного и небедного населения.

Картина будет еще ярче, если мы обратимся к данным за последние 5–6 лет: у небедных соответствующая оценка выросла за это вре-

Таблица 6.1

Бедные и небедные о своем социальном статусе перед кризисом 2008–2009 гг., а также в 2012 и 2013 гг., самооценки, 2013 г., %

«Ступени социальной лестницы» (10-балльная шкала)	Бедные			Небедные		
	до кризиса	в 2012 г.	в 2013 г.	до кризиса	в 2012 г.	в 2013 г.
10 (высшая ступень)	0	0	1	1	1	1
9	1	2	1	1	1	2
8	3	1	1	4	3	5
7	6	3	5	7	7	8
6	15	11	10	18	17	20
5	25	21	20	27	32	30
4	23	31	26	24	24	20
3	17	20	21	14	13	12
2	8	8	11	4	2	3
1 (низшая ступень)	2	3	4	0	0	1

Примечание. *Жирным курсивом* выделены показатели по позициям 1–3, которые у населения России ассоциируются с пребыванием внизу «социальной лестницы».

мя на 0,15 балла, а у бедных — упала на 0,4 балла. Причем рост своего статуса за данный период ощутила треть небедных (падение — лишь 19%), в то время как в отношении бедных картина была прямо обратной (рис. 6.1). Эти данные свидетельствуют о *диаметрально противоположном характере статусной динамики в рассматриваемых двух группах россиян.*

	Улучшилось	Без изменений	Колебания при сохранении уровня	Ухудшилось
Небедные	33	33	9	19
Бедные	20	32	9	39
Бедные «по лишениям»	17	32	9	42
Бедные «по доходу»	17	33	9	41

Рис. 6.1. Динамика самооценок своего статуса в обществе представителями разных групп бедных и у небедного населения за последние 5 лет, 2013 г., %

Печальный прошлый опыт проецируется бедными и на будущее, что окончательно закрепляет у них идентичности «социальных низов». Причем это касается не только вопросов статуса, но и динамики их материального положения. Хотя около половины как бедных, так и небедных россиян (54 и 48% соответственно) думают, что их материальное положение в ближайший год не изменится (что, впрочем, учитывая разницу в их нынешнем положении, означает для них принципиально разное будущее), в остальном картина их мнений о своем будущем существенно различается. Если бедные в четверти случаев ожидают как улучшения, так и ухудшения ситуации (25 и 21% соответственно), то небедные россияне гораздо более оптимистичны: 41% из них ожидают улучшения и лишь 11% — ухудшения своего положения.

На формировании идентичности представителей «социальных низов» для многих бедных сказывается не только их нынешнее тяжелое положение, но и особенности их межгенерационной мобильности, т.е. их собственный социальный статус в сравнении с местом в социальной структуре общества тех семей, в которых они выросли. Лишь каждый десятый бедный поставил свою родительскую семью на две нижние позиции 10-ступенчатой «социальной лестницы», т.е. их нынешнее положение для них — шаг вниз по сравнению со статусом роди-

тельской семьи по крайней мере в их собственном восприятии⁸. В то же время стоит отметить, что среди небедных таковых было в 2 раза меньше (11 и 6% соответственно), и еще 16% (при 14% у небедных) поставили свою родительскую семью на 3-ю позицию снизу. Таким образом, бедные несколько чаще являются выходцами из «социальных низов», чем небедные. Однако, несмотря на это, для них такое происхождение в целом не является пока типичным: большинство из них (73%) относят свою родительскую семью к средним или даже верхним слоям населения.

Учитывая как этот факт, так и их нынешнее положение, можно сделать вывод о том, что *бедные как особая социальная группа в современной России, в противовес небедным, характеризуются доминированием нисходящей социальной мобильности не только в отношении собственной статусной траектории в последние годы, но и в межгенерационном разрезе* (рис. 6.2). Этот факт не случаен, так как он отражает *рост в ходе реформ двух последних десятилетий в модели социальной структуры российского общества числа тех структурных позиций, которые относятся к низшим «ступеням социальной лестницы» с неизбежным «сползанием» на них ранее вполне благополучных людей*. То, что у кого-то из них при перемещении на эти низшие структурные позиции доход оказался меньше прожиточного минимума, а у кого-то в силу уже не раз упоминавшихся в данной книге причин он был выше «черты бедности», но все же недостаточен, чтобы избавить человека от многомерной депривации, не меняет ни объективно, ни

⁸ Если же говорить не о самооценках респондентами статуса родительской семьи, а о реальных ее характеристиках, то картина будет уже не столь однозначной, хотя принципиально не изменится. С одной стороны, у большинства бедных образовательные характеристики родительской семьи очень похожи на ситуацию с данным показателем в небедных слоях российского общества, поэтому их действительно нельзя рассматривать как выходцев из «социальных низов». С другой — для части бедных характерен более низкий образовательный уровень родителей: лишь у 4% оба родителя имели высшее образование (при 15% по небедным), и почти половина их (49%) выросли в семьях, где родители вообще не имели профессионального образования (среди небедных таковых 28%). Как видим, речь в любом случае идет о разнице образовательного уровня родителей по отношению к небедным не более чем в четверти группы бедных. Даже в группе хронических бедных можно говорить как об их характерной особенности, прежде всего, об очень низкой доле выходцев из семей, где оба родителя имели высшее образование (1%). Доля же выходцев из семей, где родители вообще не имели профессионального образования (54%), была у них близка к ситуации по бедным в целом (49%), хотя и отличалась от картины по небедным на 26%. Тем не менее, с учетом разницы по всем вариантам образовательного уровня родителей, различия в этом отношении характеризовали лишь около 40% группы хронических бедных по отношению к небедным.

в их собственном восприятии ситуации с динамикой их места в социальной структуре общества.

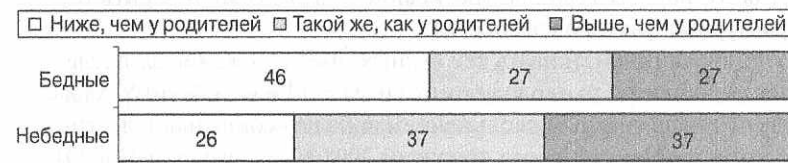

Рис. 6.2. Оценка бедными и небедными своего статуса в обществе по сравнению со статусом семьи, в которой они выросли, 2013 г., %

Особенно тяжелая ситуация наблюдается у хронических бедных. Ровно три четверти их ставят себя на три нижние ступеньки «социальной лестницы», а подавляющее большинство остальных относит себя к 4-й ступени снизу. Это показывает, что *в группе хронических бедных как «ядре» российской бедности в целом идет наиболее активное формирование идентичности представителей «социальных низов»*. Однако лишь чуть более трети хронических бедных характеризует аналогичным образом статус родительской семьи. Таким образом, *даже в этой, наиболее неблагоприятной группе бедных большинство — это люди, попавшие в бедность не в процессе ее межгенерационного воспроизводства, а скатившиеся в нее в течение собственной жизни, т.е. «новые бедные»*.

Но в какой момент произошло это массовое «скатывание в бедность»? Является ли оно следствием событий 20-летней давности, когда начало рыночных реформ и структурной перестройки экономики буквально за несколько лет изменили статус десятков миллионов людей? Или же нынешние группы бедных, и особенно хронических бедных, сформировались сравнительно недавно — например, под влиянием экономического кризиса 2008–2009 гг. или каких-то событий, произошедших в их жизни буквально в последнее время?

Анализируя динамику положения бедных в последние годы, надо прежде всего отметить следующее: для 60% бедных их сегодняшнее положение в обществе по крайней мере не хуже, чем то, что было у них еще 5–6 лет назад, в том числе почти у каждого пятого бедного его нынешняя ситуация даже лучше, чем она была перед кризисом 2008–2009 гг. (рис. 6.1). Это значит, что *современные российские бедные в массе своей уже достаточно давно находятся в весьма плачевном состоянии* и, учитывая благополучные в целом тенденции социально-экономического развития страны в начале и середине 2000-х годов,

можно предположить, что их пребывание в составе «социальных низов» является следствием скорее реформ 1990-х гг., способствовавших сильному увеличению относящихся к этим «низам» структурных позиций, чем более поздних событий (по крайней мере, если говорить о роли структурных факторов бедности).

Если же рассматривать тех бедных, чье положение за последние 5 лет ухудшилось, то около четверти их (т.е. 12% всех бедных) характеризуется непрерывным скольжением вниз по «социальной лестнице»: их статус в обществе перед кризисом 2008 г. был выше, чем в 2012 г., а тогда — выше, чем в 2013 г. У остальных бедных, фиксирующих ухудшение своего положения в обществе за последние 5 лет, это ухудшение происходило в каком-то одном из двух этих периодов. В трех случаях из четырех, т.е. примерно у трети всех бедных, оно имело место в последний год (это с высокой долей вероятности означает, что они являются представителями временной, ситуационной бедности), а у остальных ухудшение их положения пришлось на период кризиса 2008–2009 гг. или первые посткризисные годы.

Это еще одно свидетельство гетерогенности российской бедности в целом, неоднозначности ситуации с ней, необходимости дифференцированного подхода к бедным как особой группе российского общества, учитывающего наличие в ней бедных с разной глубиной и продолжительностью бедности, разным ее характером (устойчивое «скольжение вниз», «плавающая» или «мигающая» бедность, стабильная хроническая бедность, ситуационная/временная бедность и т.д.) и разными идентичностями⁹.

Говоря о динамике положения российских бедных и вероятности выхода из этого состояния, следует обратить внимание и на угрозы консервации российской бедности и ее межпоколенческого воспроизводства. Так, рассуждая о перспективах своих детей, бедные в основном теряются в догадках и чаще всего (43%) не могут оценить, будет ли положение их детей лучше или хуже их собственного. Небедные

⁹ Это важно, так как далеко не все представители даже глубокой и хронической бедности будут обращаться за адресной социальной помощью, поскольку это значило бы для них признание того, что они «не такие, как все» даже в собственных глазах. Данная тенденция, особенно в малых локальных сообществах (например, селах), уже фиксируется рядом исследователей (см., например, Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ, Вариант, 2008).

и подобные сомнения испытывают лишь менее чем в трети случаев (30%). Более того, большинство небедных россиян (53%) ожидает, что их дети добьются большего, чем они сами, в то время как для бедных этот показатель намного меньше половины (рис. 6.3).

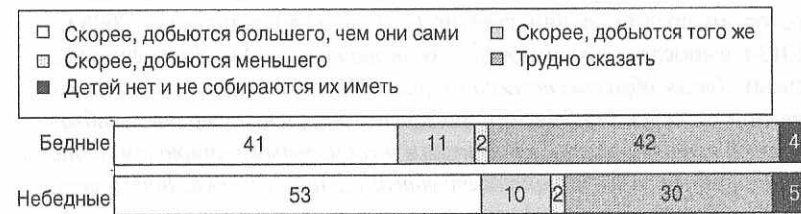

Рис. 6.3. Ожидания бедных и небедных относительно достижений своих детей в будущем, 2013 г., %

Таким образом, несмотря на то что при относительно благополучном положении родителей детям сложнее продемонстрировать восходящую межпоколенческую мобильность, небедные россияне более оптимистичны в отношении будущего своих детей, и, судя по картине восходящей мобильности у бедных и небедных, оптимизм последних в целом оправдан. Это означает, что у детей из бедных домохозяйств не только ниже жизненные шансы в целом, т.е. вероятность достичь аналогичных успехов по сравнению с детьми небедных россиян, но и, судя по оценкам самих бедных, весьма умеренные шансы выбраться из состояния бедности. Следовательно, если относительно населения в целом социологами ставится вопрос о закрытии лифтов социальной мобильности, то относительно бедных можно говорить еще и о наличии барьеров на выход из состояния бедности.

Но что же обеспечивает восходящую социальную мобильность и помогает достичь благополучного положения в жизни в российских условиях? Каковы сегодня в нашей стране основные факторы мобильности? Это, в первую очередь, упорный труд (88% считают его важным фактором успеха, причем значимость данного фактора как очень важного отмечает более половины населения), хорошее образование (90%) и нужные знакомства (88%), т.е. человеческий и социальный капитал¹⁰ (рис. 6.4). Вторая группа факторов успеха, высоко-

¹⁰ Впрочем, упорный труд и связи всегда рассматривались россиянами как основные факторы успеха (см.: Громова Р.Г. Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы // Социологический журнал. 1998. № 1/2).

кую значимость которой признает большинство россиян, включает честолюбие, происхождение из богатой семьи, наличие образованных родителей и связей «в верхах» (72%, 66%, 67% и 56% соответственно). Что же касается остальных факторов успеха, то они играют относительно меньшую роль. Единственный из всех факторов успеха, по которому среди россиян заметно (с 16 до 22%) за период с 2006 г.¹¹ по 2013 г. выросла убежденность в его *особой* важности, это политические связи. Таким образом, помимо упорного труда, для преуспевания в современном российском обществе, по мнению населения страны, необходимо прежде всего обладать человеческим и социальным капиталом, который формируется за счет как собственных усилий человека, так и ресурсов его семьи, в первую очередь родительской.

Рис. 6.4. Представления россиян о том, что является важным для достижения успеха в жизни, 2013 г., %

Оценки значимости различных факторов благополучия бедными и небедными в целом достаточно схожи. Существенные отличия наблюдаются только в оценке важности неправовых практик (взятки) и нечистоплотного поведения (неразборчивость в средствах). Око-

¹¹ Речь идет об исследовании Института социологии РАН «Социальное неравенство в социологическом измерении» (подробнее см. о нем в Приложении).

ло половины бедных оценивают эти факторы как важные (48 и 48% соответственно), в то время как среди небедных соответствующие показатели равны 44 и 43% соответственно. Если учесть также оценку различных факторов успеха как «очень важных», то разница в восприятии факторов успеха бедными и небедными проявится и в отношении роли таких факторов, как происхождение из богатой семьи и честолюбие. Бедные выше оценивают значимость происхождения, а небедные – честолюбия. Можно сказать, что бедные в несколько большей степени склонны перекладывать ответственность за свое неблагоприятное положение на то, что они имели менее благоприятные стартовые условия исходя из возможностей семьи.

Если же рассматривать не отдельные элементы, факторы успеха, а в целом группы этих факторов, то при статистическом анализе данных на нашем массиве 2013 г. (вращение методом Варимакс) выделились четыре такие группы (табл. 6.2).

Как видим, в один блок факторов входили **ресурсы родительской семьи**, т.е. унаследованный от родителей капитал – экономический и культурный. Другой блок отражал **собственные усилия человека** в достижении успеха и объединял такие факторы, как собственное образование, упорный труд и честолюбие. Еще одну группу факторов с определенной степенью условности можно назвать **второстепенные внерыночные факторы успеха**. Она включала такие признаки, как национальность, место рождения, пол, вероисповедание и политические связи. Наконец, в отдельную, четвертую группу входили **связи** (наличие нужных знакомств и политических связей) и **умение встраиваться в неправовое поле** (давать взятки и быть неразборчивым в средствах).

При этом относительно большую роль для россиян (и здесь мнения бедных и небедных совпали) играют те блоки факторов успеха, которые мы назвали «собственные усилия человека» (88%), «ресурсы родительской семьи» (80%) и «связи и неправовые практики» (74%). Второстепенные внерыночные характеристики как факторы благополучия упоминали только 20% россиян.

Насколько устойчива такая картина и насколько она специфична на фоне других стран? В этой связи стоит отметить, что четыре года назад, в 2009 г., в ходе очередной волны исследования ISSP (*The International Social Survey Programme «Social Inequality»*)¹²,

¹² ISSP является постоянной ежегодной международной программой исследования, охватывающих темы, важные для социальных наук. Год от года тема исследования

Таблица 6.2

Матрица факторных нагрузок после вращения, 2013 г.

Переменные	Факторные нагрузки			
	фактор 1 (второстепенные внешние факторы успеха)	фактор 2 (связи и умение встраиваться в неправовое поле)	фактор 3 (собственные усилия человека)	фактор 4 (ресурсы родительской семьи)
Происходить из богатой семьи				0,601
Иметь образованных родителей				0,811
Самому иметь хорошее образование			0,488	
Упорно трудиться			0,763	
Иметь нужные знакомства		0,642		
Иметь политические связи		0,696		
Быть честолюбивым			0,723	
Национальность	0,761			
Место, откуда человек родом	0,720			
Политические убеждения	0,614			
Неразборчивость в средствах		0,600		
Пол	0,681			
Давать взятки		0,608		
Вероисповедание человека	0,724			

Примечание. Переменные предварительно перекодированы в дихотомические: «важно»–«неважно».

использовалась почти такая же формулировка данного вопроса¹³. В целом картина восприятия роли различных факторов в достижении успеха в 2009 г. в России была достаточно близкой к ситуации в 2013 г. (рис. 6.5).

меняется, но раз в 5–8 лет в рамках этой программы проводятся исследования, посвященные проблематике социальной структуры и социальных неравенств. В исследовании 2009 г. в выборку входили не только страны Северной Америки и Западной Европы, но и некоторые страны Восточной и Центральной Европы, в том числе Россия.

¹³ Различия заключались в том, что в опросе ИС РАН 2013 г. присутствовали также такие позиции, как место, откуда человек родом, политические убеждения и неразборчивость в средствах, а варианты ответов «довольно важно» и «скорее важно» были объединены в одну позицию «довольно важно».

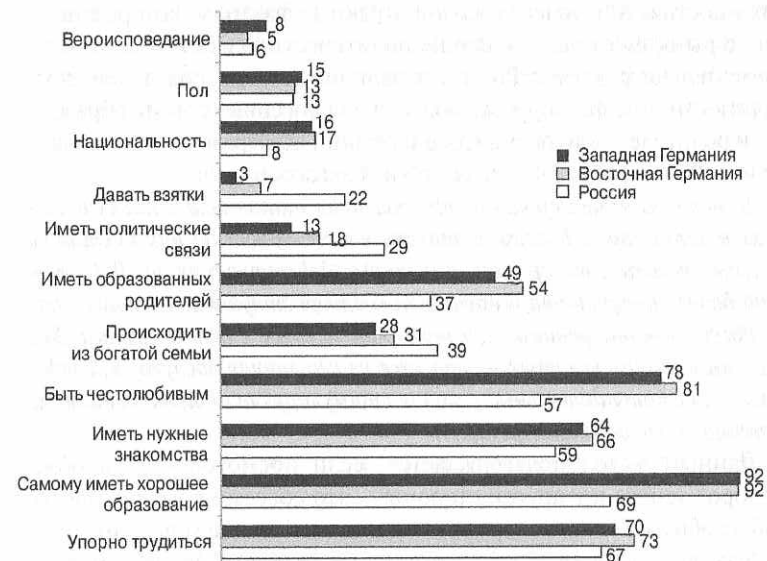

Рис. 6.5. Что, по мнению россиян и населения Восточной и Западной Германии, очень важно для того, чтобы добиться чего-нибудь в жизни, 2009 г., %¹⁴

Кроме того, как видно на рис. 6.5, в восприятии населения и в Германии, и в России есть четверка факторов-лидеров, позволяющих добиться в жизни благополучия (собственное образование, упорный труд, честолюбие¹⁵ и наличие нужных знакомств). При этом, однако, ответы населения Западных и Восточных земель Германии очень близки, что отражает общность не только их культуры, но и институциональных условий. В России же картина заметно отличается от ситуации в Германии. В ней относительно меньшую роль играют честолюбие человека, т.е. наличие у него выраженных достигательных установок, а также наличие образованных родителей и собственное хорошее образование. Это именно те показатели человеческого капитала, которые обуславливают конкурентоспособность на рынке труда в обществах меритократического типа. Причем в России относительно большую

¹⁴ На рисунке не представлены ответившие «довольно важно», «скорее важно», «не очень важно» и «совсем не важно».

¹⁵ Этот фактор успеха демонстрировал, в отличие от остальных, очень яркую зависимость от возраста, и его заметно чаще называла молодежь.

роль в достижении успеха в жизни играют те факторы, которые не связаны с рынком труда, — наличие политических связей и дача взяток. Относительно важнее в России и наличие богатых родителей: по его значимости этот фактор даже обогнал для россиян уровень образованности родителей, в то время как в Германии об образованности родителей вспоминали вдвое чаще, чем об их благосостоянии.

В этой разнице хорошо видны различия типов обществ, существующих в Германии и России, а также вытекающих из них институциональных условий, тех рамок, в которых действуют люди. В Германии среда более конкурентна и посылает соответствующие сигналы людям, а в России в конкуренции огромную роль играют связи и взятки. Успех человека в таких условиях — это уже не его личная заслуга, и, следовательно, институциональные условия стимулируют не конкуренцию, а ее имитацию — псевдоконкуренцию.

Данный вывод подтверждается, если посмотреть на проблему факторов успеха и с другой стороны — что совсем не важно для того, чтобы добиться благополучного положения в жизни (рис. 6.6).

Как видно на рис. 6.6, есть лишь один фактор, демонстрирующий при оценке абсолютно незначимых факторов успеха очень большие разрывы в показателях по двум рассматриваемым странам, а именно — дача взяток. Если в Западной Германии лишь 30%, а в Восточной — 36% населения убеждены, что дача взяток в той или иной степени важна для того, чтобы добиться в жизни благополучного положения, то в России таковых 78%, т.е. безусловное большинство. Данный факт уже сам по себе многое говорит и о типе сложившегося в России общества, и о возможностях и путях социальной мобильности в нем.

Причем, если, по аналогии с тем, как это было сделано применительно к массиву данных 2013 г., рассмотреть факторы успеха в России в 2009 г. с помощью факторного анализа, то становится понятно, что картина факторов успеха в восприятии россиян в стране в целом весьма устойчива. Так, в 2009 г. при факторном анализе выделились три блока факторов успеха, очень напоминавшие ситуацию и в 2013 г. Один из этих блоков факторов, как и в 2013 г., отражал **собственные усилия человека** в достижении успеха и объединял такие факторы, как собственное образование, упорный труд и честолюбие. Вторая группа факторов, которые с определенной долей условности мы назвали выше **второстепенными вне рыночными факторами успеха**, объединяла следующие признаки: национальность, вероисповедание и пол. Наконец, третий блок факторов (**ресурсы родительской семьи**)

включал богатых родителей, образованность родителей и наличие нужных знакомств, т.е. приобретенный в силу происхождения экономический, культурный и социальный капитал. При этом взятки и политические связи попадали в группу унаследованного от родителей капитала и выступали, с одной стороны, разновидностью полученного от них социального капитала, а с другой — производной от их экономических возможностей.

В связи с высокой значимостью этих видов капитала для успеха человека в современном российском обществе стоит рассмотреть, насколько ими располагают разные группы населения. Социальный капитал, который в российских условиях эффективно компенсирует нехватку иных ресурсов, как уже было показано в главе 3, у российских бедных представлен в очень ограниченном объеме, хотя значимость этого фактора для благополучия подтверждается и при статистическом анализе полученных данных. Так, например, *россияне, которым*

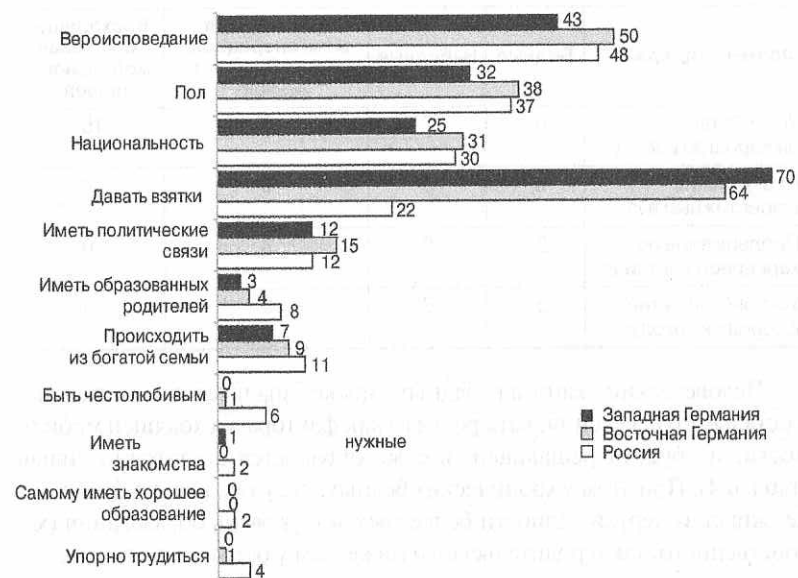

Рис. 6.6. Что, по мнению россиян и населения Восточной и Западной Германии, совсем не важно для того, чтобы добиться чего-нибудь в жизни, 2009 г., %¹⁶

¹⁶ Использовались данные волны ISSP 2009 г. На рисунке не представлены ответившие «очень важно», «довольно важно», «скорее важно» и «не очень важно».

удалось, по их самооценке, повысить свой социальный статус по отношению к родителям или собственному положению в обществе 5–6 лет назад настолько, что они смогли выйти из состава «социальных низов», являются высокоресурсной группой. Они могут в случае необходимости в разы чаще, чем остающиеся в бедности россияне, получать реальную помощь от своих знакомых при устройстве на работу, поступлении в престижный вуз, продвижении по карьерной лестнице, устройстве детей в хорошую школу (табл. 6.3). А это именно те ресурсы, которые способствуют восходящей социальной мобильности, притом как в рамках индивидуальных жизненных траекторий, так и в межгенерационном разрезе, и которые тем более значимы, что распространенность доступа к ним в российском обществе в целом достаточно низка.

Таблица 6.3

Доступные формы поддержки со стороны родственников, знакомых, друзей у различных групп населения, 2013 г., %

Формы поддержки	Бедные	Небедные	Восходящая межгенерационная мобильность «низов» ¹⁷	Восходящая статусная мобильность «низов» ¹⁸
Устройство на хорошую работу	10	17	12	15
Поступление в престижный вуз	2	8	5	4
Продвижение по карьерной лестнице	2	5	3	6
Устройство детей в хорошую школу	5	8	5	6

Человеческий капитал бедных также значительно ниже, чем у остального населения, хотя роль его как фактора восходящей мобильности, не будучи решающей, все же ощущается достаточно сильно (табл. 6.4). При этом у хронических бедных, т.е. у тех, кто, по самооценке, живет за чертой бедности более трех лет, уровень образования (как собственного, так и родительского) ниже, чем у остальных бедных.

¹⁷ В данной группе объединены те, кто сумел перейти как минимум на средние (4 «ступень» и выше на 10-ступенчатой «лестнице статусов») позиции с низших статусных позиций (1–3 «ступени») по сравнению со своими родителями.

¹⁸ В данной группе объединены те, кто сумел перейти, как минимум, на средние (4 «ступень» и выше на 10-ступенчатой «лестнице статусов») позиции с низших статусных позиций (1–3 «ступени») за последние 5–6 лет.

Таблица 6.4

Уровень образования разных групп россиян и их родителей, 2013 г., %

Уровень образования	Хронические бедные	Бедные	Небедные	Восходящая межгенерационная мобильность «низов»	Восходящая статусная мобильность «низов»
Свое образование					
Неполное и общее среднее	44	29	14	20	18
Среднее специальное и незаконченное высшее	48	52	50	49	59
Высшее или ученая степень	8	19	36	31	23
Образование отца					
Неполное и общее среднее	66	58	37	47	41
Среднее специальное и незаконченное высшее	29	33	41	40	47
Высшее или ученая степень	3	9	21	13	12
Образование матери					
Неполное и общее среднее	64	57	35	51	41
Среднее специальное и незаконченное высшее	33	35	41	38	42
Высшее или ученая степень	3	8	24	11	17

Кроме того, навыками работы на компьютере обладают только 46% бедных, в то время как для остальных россиян данный показатель равен 72%. Среди владеющих этим навыком как бедные, так и небедные используют его на работе в 75 и 77% случаев соответственно. Однако среди небедного населения большая часть (55%) использует его постоянно, в то время как для бедных этот показатель равен только 44%, что косвенно отражает специфику их рабочих мест, которая отмечалась в главе 4. Также среди бедного населения почти половина (49%) не имеет компьютера в доме, в то время как для остальных этот показатель в 2 раза ниже – 23%. В течение последних 7 лет компьютер был приобретен 70% небедных и лишь 44% бедных россиян. Соответственно и в производственной, и в непроизводственной сфере освоение новых навыков и в целом интернет-пространства у бедных происходит менее активно. Так формируется и закрепляется новая

форма социального неравенства бедных и небедных, характерная именно для начала XXI в., — цифровое неравенство. При этом, раз возникнув, оно начинает, в свою очередь, препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места.

Не случайно среди тех россиян, которые демонстрировали восходящую межгенерационную и индивидуальную мобильность «низов», 62 и 69% соответственно владели навыками работы на компьютере, что практически соответствует уровню владения этим навыком у тех, кто уже не первое поколение относится к благополучным в статусном отношении слоям населения¹⁹. В то же время те, кто применительно к разным этапам своей жизни относился к нижним трем ступеням «социальной лестницы», обладали навыками работы на компьютере в 35–42% случаев. Аналогичны и тенденции с владением иностранным языком и навыком вождения автомобиля.

Учитывая роль различных видов ресурсов в возможности выйти из бедности, важно оценить также, насколько характерные для бедных установки при воспитании детей могут способствовать развитию тенденции межгенерационного самовоспроизводства бедности или же, напротив, выходу детей из бедных семей по мере взросления из этого состояния. Отметим, что, выделяя качества, которые они хотели бы видеть в своих детях, небедные россияне относительно чаще называли организованность и развитые умственные способности, т.е. качества, важные для динамичного рынка труда, предъявляющего спрос на «самопрограммируемых работников»²⁰ с развитым человеческим капиталом. Это позволяет предполагать, что под хорошим образованием они подразумевают обычно качественное высшее образование. В то же время бедное население ориентировано на обеспечение детей возможностями овладения, скорее, ремеслом, способным гарантировать «кусочек хлеба», и, видимо, под хорошим образованием оно имеет в виду обычно любое профессиональное образование, обеспечивающее востребованную в данный момент на рынке труда специальность (рис. 6.7).

¹⁹ То есть тем, кто ставил себя по статусу в обществе за последние 5–6 лет, а также семью своих родителей на 4 «ступени» и выше на «лестнице социальных статусов».

²⁰ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

Рис. 6.7. Взгляды бедных и небедных россиян на то, что является главным в воспитании детей в современных условиях, 2013 г., %

В целом как для бедных, так и для небедных россиян основное, что они хотели бы дать детям, — это хорошее образование (так ответили две трети представителей данных групп). Однако это, скорее, декларация с их стороны, чем реальная стратегия действий, так как образовательными услугами для детей пользовались всего 7% бедных и 19% небедных семей с несовершеннолетними детьми. Нельзя не отметить и тот факт, что те, кто демонстрировал нисходящую индивидуальную или межгенерационную мобильность, инвестировали в свой человеческий капитал не чаще, чем в трети случаев (25–32%). В то же время среди тех, кто в рамках индивидуальной или межгенерационной мобильности демонстрирует выход из «социальных низов», около половины в течение последних трех лет повышали свою квалификацию (по бедным в целом этот показатель составлял около трети). Таким образом, в массе своей это люди,

которые даже в момент пребывания на нижних ступенях социальной лестницы с точки зрения их человеческого капитала были не слишком похожи на типичных российских бедных. Наоборот, они очень походили в этом отношении на стабильно благополучное население (т.е. выходцев из средних слоев населения, которые, по их оценке, и сами не спускались в последние годы на нижние «ступени социальной лестницы»).

Следовательно, образовательная активность бедных – важный фактор их социальной мобильности. Низкая образовательная активность не только самих бедных, но и детей из бедных семей ставит поэтому вопрос о перспективах социальной мобильности не только нынешнего, но и следующих поколений бедных, возможности для детей из бедных семей выбраться из состояния бедности в условиях, когда их родители не только сами не слишком стремятся войти в образовательный «социальный лифт», но и не пытаются «втолкнуть» туда своих детей.

Анализируя человеческий капитал бедных, нельзя не обратить внимание и на культурный капитал тех, кто смог продемонстрировать успешную социальную динамику, поскольку он играет значительную роль в возможности успешно встроиться в существующую в современной России систему социально-экономических отношений. У тех россиян, которые демонстрировали положительную социальную динамику, уровень образования родителей был заметно выше, чем у бедных, хотя и ниже, чем у благополучного населения (табл. 6.5). Кроме того, если среди бедных большая часть пошла в школу, а соответственно, прошла первичную социализацию в сельской местности, то среди демонстрировавших восходящую мобильность таковых уже менее 50%, что сближает их с теми, кто не входит в состав бедных. Более того, родители тех бедных, которые продемонстрировали восходящую мобильность, реже родителей представителей группы бедных в целом начинали ходить в школу в сельской местности независимо от места их проживания в момент опроса.

Таким образом, на возможности социальной динамики позитивно влияют как особенности индивидов, значимые на современных рынках труда, так и ресурсы родительской семьи, в том числе связи, значительная часть которых наследуется индивидами, по крайней мере, при «входе» во взрослую жизнь. Нисходящая же социальная мобильность может стать в условиях низкой эффективности социальной политики результатом демографических особенностей индивидов или каких-то семейных событий (рождение двойни, болезнь ребенка и т.д.).

Таблица 6.5

Тип населенного пункта, в котором россияне из разных групп и их родители пошли в школу, 2013 г., %

Тип населенного пункта, где проживали в тот момент	Бедные	Небедные	Восходящая межгенерационная мобильность «низов»	Восходящая статусная мобильность «низов»
Сами				
Город, более 1 млн чел.	12	21	18	23
Город, 250 тыс. – 1 млн чел.	11	19	17	14
Город, до 250 тыс. чел.	19	22	20	18
Сельская местность	58	38	45	46
Мать				
Город, более 1 млн чел.	8	15	11	13
Город, 250 тыс. – 1 млн чел.	11	18	17	14
Город, до 250 тыс. чел.	17	22	20	19
Сельская местность	64	46	51	54
Отец				
Город, более 1 млн чел.	8	15	12	14
Город, 250 тыс. – 1 млн чел.	11	18	17	17
Город, до 250 тыс. чел.	17	21	17	18
Сельская местность	64	46	54	51

Подведем итоги.

Если небедные – это в подавляющем большинстве выходцы из средних слоев общества, то с бедными картина не так однозначна. Фактически сегодня они делятся с точки зрения изменения их социального статуса на протяжении их жизни на две неравные части. Одна из них, меньшая, насчитывающая около четверти всех бедных²¹, – это представители самовоспроизводящихся «социальных низов». Однако основная их часть – это либо те, кто сам уже взрослым попал в число бедных и далее «законсервировался» в таком состоянии, либо находится в состоянии ситуационной, временной бедности. Последних среди бедных в целом лишь около трети, и при наличии ресурсов и случайном характере их бедности они достаточно быстро выходят из такого состояния. При этом пребывание в бедности менее трех лет

²¹ Если же судить по образовательному уровню их родителей, то эта доля возрастет, хотя и останется менее половины группы всех бедных.

не ведет к изменению идентичностей бедных, и они не склонны в этом случае говорить о себе как о хронических бедных, что затрудняет идентификацию данной группы.

Ситуация с бедностью в современной России характеризуется рядом неблагоприятных тенденций. Наряду с усилением поляризации общества происходит консервация бедности с межпоколенческим ее воспроизводством, и в этом процессе участвует значительная часть российских бедных. Важно, что тенденция межпоколенческого воспроизводства бедных может усиливаться в будущем.

Доминирование среди бедных длительно и хронически бедных, усиление тенденции консервации бедности как на индивидуальном уровне, так и в межпоколенческом разрезе позволяют оценивать закрытость «социальных лифтов» как крайне острую проблему для современной России. Причем значимость ее велика как для выходцев из бедных, которые не могут выйти из бедности и все чаще «консервируются» в этом состоянии, так и для выходцев из небедных слоев населения, которые характеризуются высокими рисками скатиться в бедность — сначала ситуационную, а затем и хроническую. Собственный негативный опыт бедные проецируют и на возможности своих детей, априори низко оценивая не только их жизненные шансы в целом, но даже шансы вырваться со временем из состояния бедности.

Процессы социальной мобильности имеют у бедных и небедных россиян противоположный вектор, что усиливает поляризацию российского общества и все дальше разводит бедных россиян и остальное население страны: процессы восходящей межпоколенческой социальной мобильности свойственны бедным в значительно меньшей степени, чем остальному населению, в отличие от нисходящей.

Осознавая, что человеческий и социальный капитал являются ключевыми ресурсами для восходящей социальной мобильности, и желая сформировать у своих детей, в первую очередь, те качества, которые помогут им «пробиться выше», бедные, как это ни парадоксально, прилагают весьма умеренные усилия по реализации соответствующих задач. Они меньше инвестируют в накопление этих ресурсов как у себя, так и у своих детей. Отчасти это объясняется спецификой их профессиональных позиций и жизненного опыта, не предполагающего навыков такого рода инвестирования и привычки к нему, а отчасти — элементарной нехваткой средств на него.

Попавшие в ситуационную бедность относительно высокоресурсные россияне обычно достаточно быстро выходят из состояния бедности. Основными факторами, стимулирующими восходящую соци-

альную мобильность бедных, выступают человеческий, социальный и культурный капитал. В условиях редкости обладания развитыми формами этих видов капитала среди россиян для тех, кто обладает ими, состояние бедности становится в основном временным. Однако, если культурный, социальный и человеческий капитал ограничен, то состояние бедности становится длительным, а затем и хроническим.

В последние годы в России формируется и закрепляется новая форма социального неравенства бедных и небедных, характерная именно для начала XXI в., — цифровое неравенство. При этом, раз возникнув, оно начинает в свою очередь препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются сегодня своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места. И хотя наличие этих навыков само по себе не гарантирует занятия такого рода рабочих мест, отсутствие соответствующих компетенций достаточно жестко предопределяет отсутствие доступа к ним.